

Никита Буслаев

20 МИНУТ ДЛЯ
БОЛЬШЕГО

18+

Никита Буслаев

20 минут для большего

«Автор»

2026

Буслаев Н.

20 минут для большего / Н. Буслаев — «Автор», 2026

20 минут для размышлений, достаточно или нет. Можно понять многое.
Нужен ли ты, важен хоть для кого-то. Не думай что может произойти или не
произойти. Тогда поймешь больно, страшно или одиноко.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Никита Буслаев

20 минут для большего

Глава

20 минут для большего

Я начинаю эту работу с простого условия: здесь будет сказано достаточно.

Будут люди. Я начну спрашивать их об одном и том же. Я буду слушать ответы, смотреть, как они меняются, и возвращаться к ним снова. Больше, чем нужно, я не скажу. Меньше – тоже.

Никто из них не будет знать, как именно пройдут эти двадцать минут. Никто не будет знать, что именно случится в конце, и тем более – что будет потом. И ещё меньше они будут знать о том, зависит ли это от них вообще. Время дано, но не власть над ним.

Только наблюдение. Сначала – что человек ответит на вопрос. Потом – что он сделает, когда эти двадцать минут действительно начнутся.

Я не собираюсь подсказывать, как нужно отвечать. Не собираюсь утешать. Не собираюсь исправлять то, что человек скажет, даже если это будет звучать странно, грубо или совсем пусто. У каждого останется его собственное лицо, и у каждого будет свой способ встретить то, что ему не нравится, или то, к чему он давно был готов. Но не всё, что случится, будет следствием его выбора. Иногда конец приходит не потому, что его позвали, и не потому, что его ждали.

Некоторые будут говорить быстро. Некоторые – почти не разговаривать. Кто-то захочет спать. Кто-то захочет пить. Кто-то – уйти, позвонить, обнять, молчать, смеяться, ругаться, смотреть в окно или просто сидеть, пока время не закончится. У кого-то в голосе будет страх. У кого-то – усталость. У кого-то не будет ничего, кроме равнодушия. И это тоже будет ответом. Но ответом не на всё.

Потом я вернусь к ним ещё раз. Не для того, чтобы всё объяснить, а чтобы увидеть, что осталось от первой минуты, от последнего слова, от самой мысли о конце. Живые будут отвечать по-своему. Те, кого не станет, ответить уже не смогут, и тогда говорить придётся тем, кто был рядом, кто слышал, кто опоздал, кто выжил, кто не понял, что именно начал терять. И всё равно не каждому будет дано решить, чем всё закончится.

Я не обещаю ясности.

Я не обещаю доброты.

Я не обещаю, что после этого станет легче.

Я только обещаю, что всё будет записано так, как было сказано, увидено и пережито, без лишнего шума и без попытки сделать происходящее красивее, чем оно есть.

Это будет книга о людях в последние двадцать минут.

О том, что они выберут.

О том, чего выбрать они не смогут.
О том, что скажут другие, когда всё уже закончится.

И если в этих записях останется что-то большее, чем просто ответы, значит, этого было достаточно.

Запись 1 Аня

Интервьюер просто появился в дверях, как будто был частью этой квартиры с самого начала и всё это время лишь ждал, когда на него обратят внимание.

Он не постучал. Не поздоровался. Не объяснил, кто он такой и зачем пришёл. Просто стоял несколько секунд у входа, с блокнотом в руке, и смотрел спокойно, без интереса и без угрозы.

Аня подняла на него взгляд не сразу. Сначала она подумала, что это кто-то ошибся дверью, потом – что он, наверное, пришёл по чьему-то делу, которое её не касается. Но он не двигался, и от этого в комнате стало чуть теснее, чем прежде.

– Вы к кому? – спросила она наконец.

– К вам, – ответил он.

Это прозвучало так просто, что спорить стало почти бессмысленно.

Он прошёл в комнату так, будто имел на это право, но не позволял себе выглядеть хозяином. Остановился у стола, посмотрел на чашку с остывшим чаем, потом снова на неё.

Аня молчала. В ней не было ни страха, ни любопытства – только осторожность человека, которого уже слишком часто отвлекали от собственного одиночества.

– Я задам вам один вопрос, – сказал интервьюер.

– Один? – Аня чуть прищурилась.

– Да.

– И я должна отвечать?

Он кивнул.

Она помолчала ещё немного, потом откинулась на спинку дивана и спросила уже тише:

– А если я не захочу?

– Это тоже будет ответ.

Он сказал это ровно, без нажима, словно речь шла не о человеке, а о порядке записи. Аня посмотрела на него внимательнее, будто пыталась понять, что именно скрыто за этой спокойной пустотой.

– И что дальше? – спросила она.

– Ничего, что зависело бы от вашего ответа, – сказал он. – Я только запишу то, что вы скажете.

Это, кажется, немного её успокоило. Не потому, что стало безопаснее, а потому, что исчезло ожидание подвоха. Она опустила глаза, потёрла ладонью лицо и коротко выдохнула.

– Ладно, – сказала Аня. – Спрашивайте.

Тогда интервьюер наконец открыл блокнот, взял ручку и задал вопрос, который и был причиной его появления:

– Что вы будете делать, если вам останется жить двадцать минут?

Аня не ответила сразу. Теперь уже не потому, что не понимала вопроса. Просто у вопроса оказалось слишком много веса для такой короткой фразы.

Аня посмотрела в сторону окна, потом на свои руки, будто искала в них ответ раньше, чем в словах. В комнате всё оставалось на своих местах: диван, чашка, тёмная штора, тишина. Только теперь эта тишина уже не была обычной – она словно ждала вместе с ними.

– Что именно вы хотите услышать? – спросила она.

Интервьюер не изменился в лице.

– То, что вы сделаете.

– А если я ничего не сделаю?

– Тогда так и скажете.

Он не добавил ни слова. Не стал подталкивать её, не стал объяснять, почему этот вопрос вообще должен что-то значить. От этого пауза между ними стала длиннее, чем была до этого, хотя прошло всего несколько секунд.

Аня медленно вдохнула, потом выдохнула.

– Я, наверное, лягу, – сказала она. – Может, просто буду лежать. Если останется двадцать минут, я не вижу смысла делать вид, что могу за это время стать другой.

– То есть вы ничего не будете предпринимать?

– Нет. Наверное, нет.

Она произнесла это без трагедии и без облегчения. Так, словно речь шла не о конце, а о чём-то давно отложенном и всё равно неизбежном. Интервьюер записал её слова, не перебивая. Ручка двигалась по бумаге ровно и сухо, почти беззвучно.

Аня опустила голову и усмехнулась – совсем чуть-чуть, без радости.

– Странный вопрос.

– Да, – сказал интервьюер.

Это «да» прозвучало не как согласие и не как оправдание. Скорее как признание того, что вопрос и должен быть странным. Иначе бы он ничего не стоил.

Она замолчала. Потом вдруг добавила:

– Хотя, если честно, я бы, наверное, хотела просто поспать. Без мыслей. Без разговоров. Просто закрыть глаза и не слышать, как всё это заканчивается.

Интервьюер снова ничего не ответил. Он только сделал ещё одну короткую пометку в блокноте.

Аня откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, будто уже решила, что на этом разговор почти закончен. Но интервьюер не вставал. Он оставался сидеть напротив, тихий и неподвижный, как человек, который пришёл не за её согласием и не за её страхом, а только за тем, что она успеет сказать до того, как время начнёт отсчитываться по-настоящему.

Аня не открывала глаза ещё несколько секунд. Потом медленно подняла голову и посмотрела на интервьюера так, будто пыталась понять, останется ли он в комнате, когда разговор закончится, или исчезнет так же бесшумно, как появился.

– И всё? – спросила она.

– Пока всё, – ответил он.

Он сказал это спокойно, без намёка на конец или на продолжение. Но от этих двух слов в комнате стало ощутимо пустее, как бывает, когда человек вдруг понимает: от него и правда не ждут ничего лишнего.

Аня коротко кивнула. Не соглашаясь. Не отказываясь. Просто принимая, что дальше ей придётся оставаться наедине уже не с вопросом, а с тем временем, которое после него начинается.

Интервьюер закрыл блокнот, но не сразу поднялся. Он ещё раз посмотрел на неё – без жалости, без интереса, без оценки. Затем спросил:

– Вы согласны узнать свою удачу в эти двадцать минут?

Аня чуть прищурилась, как будто само слово показалось ей странным. Потом посмотрела на него прямо и ответила без колебаний:

– Да.

Он не уточнил, что именно это значит. Не объяснил, как будет устроено ожидание и что именно станет её «удачей». Только кивнул, достал из кармана телефон, включил таймер

и показал экран на секунду, будто фиксируя начало чего-то, чему уже не требовалось больше слов.

– Я вернусь через двадцать минут, – сказал он.

После этого он убрал телефон, встал и вышел так же тихо, как вошёл. Дверь закрылась почти без звука.

Аня осталась одна. В комнате по-прежнему стояли диван, холодный чай и тишина, но теперь к ним прибавилось ещё и ожидание – такое же неподвижное, как она сама.

И это было началом.

Аня проводила его взглядом до двери, потом ещё несколько секунд сидела неподвижно, будто ждала, что он передумает и вернётся сразу, а не через двадцать минут. Таймер на экране уже начал отсчёт, и в этом было что-то слишком будничное для такого вопроса.

Потом она медленно встала с дивана. Не потому, что ей срочно нужно было что-то сделать, а скорее потому, что сидеть дальше стало тяжелее, чем двигаться. Она прошла к окну, отёрнула штору и посмотрела наружу. Во дворе ничего не происходило. Машина стояла на месте. Где-то наверху хлопнула дверь. Всё было обычным – и именно это почему-то казалось ей сейчас самым странным.

Она вернулась к столу, взяла чашку, понюхала чай и поставила обратно. Потом открыла телефон, пролистала список контактов, остановилась на одном имени и не нажала вызов. Через секунду экран погас. Аня усмехнулась себе под нос, как будто поймала себя на попытке сделать что-то важное только потому, что так положено в конце.

Время шло тихо. Без знаков. Без предупреждения.

Она села на пол у дивана, подтянула колени к груди и закрыла глаза. В ней не было паники. Не было и особой надежды. Скорее усталое согласие с тем, что двадцать минут – слишком мало для исправлений, но достаточно, чтобы заметить, чего ты не сделал бы даже при наличии целой жизни.

Когда интервьюер вернулся, он не постучал. Просто открыл дверь и вошёл с тем же выражением лица, с каким уходил – ровным, почти пустым.

Аня подняла на него взгляд.

– И что? – спросила она.

Он не сразу ответил. Сначала посмотрел на неё, потом на комнату, потом на экран телефона, где таймер уже остановился.

– Вы ничего не успели сделать, чтобы изменить саму ситуацию, – сказал он. – Но вы успели не притворяться.

Аня молча опустила глаза.

– Это и есть вывод? – спросила она.

– Это наблюдение, – ответил он.

Она коротко кивнула. Ни разочарования, ни облегчения на лице не было. Только знакомая усталость человека, который и так давно знал, что главные вещи не зависят от того, хочет он их или нет.

Интервьюер закрыл таймер, убрал телефон и сделал последнюю пометку в блокноте.

Вывод был простым и тяжёлым одновременно: иногда двадцать минут не меняют судьбу, но успевают показать, кем человек остаётся, когда больше не нужно ничего изображать. Аня не стала другой. Она просто на несколько минут стала видна до конца.

Интервью завершилось.

Запись 2. Сергей

Интервьюер появился в дверях без стука, как и в прошлый раз, будто входил не в чужую комнату, а в уже заранее подготовленное место.

На этот раз ему открыли сразу. Сергей стоял у стены, с телефоном в руке, и смотрел на гостя с той сдержанностью, с какой обычно смотрят на человека, пришедшего либо с плохими новостями, либо с вопросом, на который нельзя ответить быстро.

– Вы ко мне? – спросил он.

– Да.

Интервьюер прошёл внутрь, остановился возле стола и коротко кивнул, не давая повода считать это началом разговора, в котором кто-то будет главнее другого.

– Я задам один вопрос, – сказал он.

Сергей чуть приподнял брови.

– Один?

– Один.

– И это не повлечёт за собой... ничего?

– Нет, — ответил интервьюер. — Только ваш ответ.

Сергей помолчал, потом убрал телефон в карман и слабо усмехнулся, как человек, который уже понял, что спорить не имеет смысла, но всё ещё хочет проверить границы происходящего.

– Ладно, – сказал он. – Спрашивайте.

Тогда интервьюер посмотрел на него так же спокойно, как смотрел на Аню, и задал вопрос:

– Что вы будете делать, если вам останется жить двадцать минут?

Сергей не ответил сразу. Он опустил взгляд, провёл ладонью по шее и выдохнул медленно, почти устало.

– Если честно... позвоню маме, – сказал он наконец. – Наверное, скажу ей, что люблю её. И, если успею, выйду на балкон. Просто посмотреть на небо.

Он сказал это без пафоса, без попытки казаться лучше, чем есть. В его голосе не было ни торжественности, ни жалости к себе – только тихая, очень человеческая решимость сделать в оставшееся время что-то одно, но настоящее.

Интервьюер записал ответ, не перебивая.

Сергей посмотрел в окно.

– Странно, – добавил он после паузы. – Обычно мы думаем, что в такой момент нужно успеть что-то большое. А я вот хочу просто сказать одно слово и постоять немного на воздухе.

Интервьюер не отреагировал. Он только слегка наклонил голову, словно давая понять, что всё услышал.

Потом последовал второй вопрос, как и положено в этом разговоре:

– Вы согласны узнать свою удачу в эти двадцать минут?

Сергей посмотрел на него чуть внимательнее, чем прежде.

– Это как?

– Вы просто отвечаете да или нет.

Он пожал плечами.

– Да.

Интервьюер достал телефон, включил таймер и, не задерживаясь, сказал:

– Я вернусь через двадцать минут.

После этого он вышел так же тихо, как вошёл.

Сергей остался один. Некоторое время он просто стоял посреди комнаты, потом всё-таки набрал номер. Сначала долго слушал гудки, потом на том конце кто-то ответил, и лицо у него сразу изменилось – не стало ни напряжённым, ни чужим. Только очень живым.

Он говорил тихо. Иногда улыбался. Иногда отворачивался к окну, чтобы голос не дрожал слишком заметно. Потом всё же вышел на балкон, прижал телефон к уху и поднял глаза к серому небу, будто хотел увидеть там не ответ, а присутствие.

Когда таймер истёк и интервьюер вернулся, Сергей уже стоял у открытой двери балкона. Телефон был у него в руке, но он больше не говорил.

Интервьюер посмотрел на него и на небо за спиной.

– Вы воспользовались временем, – сказал он.

– Похоже на то, – ответил Сергей.

– Вы изменили что-нибудь?

Сергей чуть улыбнулся.

– Не всё нужно менять. Иногда достаточно успеть сказать то, что не хотел откладывать.

Интервьюер записал это как вывод.

Сергей не выглядел спасённым или побеждённым. Он выглядел человеком, который успел сделать именно то, что считал нужным, и теперь просто стоял в конце собственного короткого отсчёта.

Интервью завершилось.

Запись 3. Лена

Интервьюер появился в дверях так же, как и раньше – без стука, без лишнего движения, будто его присутствие было не вторжением, а частью самой комнаты.

Лена сначала даже не сразу повернула голову. Она сидела на краю кровати, укутавшись в тонкое одеяло, и смотрела куда-то вниз, на собственные руки. В комнате пахло пылью, застоявшимся воздухом и чем-то сладким, забытым на столе ещё с вечера.

– Вы ко мне? – спросила она, не поднимая глаз.

– Да, – ответил интервьюер.

Он вошёл, прикрыл за собой дверь и остановился у стены, не пытаясь занимать место в комнате больше, чем было нужно. В этом было что-то почти раздражающее: он не выглядел ни властным, ни вежливым, ни грубым. Просто человек, который пришёл с вопросом и уже заранее знал, что останется невозмутимым при любом ответе.

Лена немного выпрямилась, но не встала.

Интервьюер открыл блокнот.

– Я задам вам один вопрос, – сказал он.

Она кивнула.

– Это обязательно?

– Если вы согласитесь, да.

Лена коротко посмотрела на него. Взгляд у неё был усталый, сонный, почти безразличный, но в этой усталости угадывалась привычка жить в режиме постоянного переноса всего на потом.

– А если не соглашусь?

– Тогда я уйду.

Она помолчала. Потом медленно выдохнула и сказала:

– Спрашивайте.

Интервьюер сделал короткую пометку, после чего произнёс:

– Что вы будете делать, если вам останется жить двадцать минут?

Лена не ответила сразу.

Она опустила взгляд на одеяло, потом провела пальцами по ткани, будто проверяя, реальна ли эта комната и всё, что в ней есть. В её лице не было паники. Не было даже особого удивления. Скорее, это было выражение человека, которого спросили о чём-то слишком конкретном в момент, когда он и сам был не до конца здесь.

– Я, наверное, лягу спать, – сказала она наконец.

Интервьюер не переспросил. Лена чуть усмехнулась, сама не понимая, шутит она или нет.

– Правда. Я сейчас постоянно думаю, что хочу спать. Не в смысле устала. А в смысле... ну, чтобы всё это просто отключилось. Чтобы не надо было ничего чувствовать, решать, вспоминать.

Она замолчала, и в комнате стало совсем тихо. Интервьюер не перебивал. Он только записывал, не меняя выражения лица.

Лена обняла себя за плечи и посмотрела в окно, где было серо и неподвижно.

– Наверное, это звучит глупо, – сказала она после паузы. – Но если бы мне правда осталось двадцать минут, я бы хотела провести их в кровати. Не героически. Не красиво. Просто спокойно.

Интервьюер чуть поднял глаза.

– Не хотите никому позвонить?

Лена задумалась, но ненадолго.

– Может быть, потом бы позвонила. Но сначала всё равно легла бы. Я не думаю, что в последние минуты обязательно нужно что-то исправлять. Иногда уже поздно.

Это был первый раз за весь разговор, когда в её голосе появилось что-то похожее на твёрдость. Не решимость, не смелость – просто тихое признание того, как она сама чувствует этот мир.

Интервьюер записал последние слова и закрыл блокнот.

– Вы согласны узнать свою удачу в эти двадцать минут? – спросил он затем, как и у других.

Лена чуть поморщилась.

– Удачу?

– Да. Простой ответ: да или нет.

Она посмотрела на него с такой усталой насмешкой, будто сам вопрос уже наполовину принадлежал сну.

– Да, – сказала она.

Интервьюер кивнул, достал телефон и включил таймер.

– Я вернусь через двадцать минут.

После этих слов он вышел.

Лена осталась одна. Некоторое время она действительно сидела неподвижно, а потом медленно легла на кровать, не раздеваясь и не убирая одеяло. Потолок над ней был белый, чуть потрескавшийся в углу. Где-то за стеной кто-то включил воду. Потом выключил.

Она лежала с открытыми глазами, и в этой неподвижности не было сопротивления. Скорее – ожидание, похожее на утомлённое согласие. Через несколько минут Лена всё же закрыла глаза. Не как человек, который сдался. Скорее как тот, кто решил хотя бы на время перестать быть частью разговора.

Интервьюер вернулся ровно через двадцать минут.

Он не постучал. Просто вошёл, остановился у двери и несколько секунд молча смотрел на неё.

Лена лежала так же, как он её оставил, только дыхание было слишком ровным. Слишком ровным для сна.

Он подошёл ближе и позвал её по имени один раз. Потом ещё раз – тише.

Ответа не было.

Интервьюер наклонился, коснулся её руки и сразу понял, что разговор уже закончился без него.

Лена умерла тихо. Без движения, без слов, почти так же спокойно, как и лежала. Казалось, она и правда только уснула, но это уже был тот сон, из которого не возвращаются.

Интервьюер несколько секунд стоял рядом, не меняя выражения лица. Потом он медленно закрыл блокнот и вышел в коридор.

За дверью он остановился у соседней комнаты и постучал.

Через мгновение дверь приоткрылась, и на пороге появилась соседка Лены. Молодая женщина с сонными глазами и настороженным лицом. Она, по её словам, слышала почти всё: голос интервьюера, паузы, короткие ответы, а потом – тишину. Сначала ей показалось, что Лена просто легла спать. Потом стало слишком тихо.

– Я слышала, как вы спрашивали её про двадцать минут, – сказала соседка, не скрывая напряжения. – Потом она долго молчала. Я думала, она просто устала. А потом... потом уже ничего.

Её голос дрожал не от плача, а от растерянности. Она всё ещё не успела до конца понять, что именно услышала и к чему это привело.

– Она говорила, что хочет спать, – добавила соседка. – Я не думала, что это так будет.

Интервьюер стоял напротив неё спокойно, с тем же пустым лицом.

– Вы слышали весь разговор? – спросил он.

– Почти весь.

– И что вы думаете об этом?

Соседка помолчала.

– Думаю, вы пришли слишком тихо, чтобы это можно было остановить. И слишком ровно, чтобы сразу поверить, что это что-то плохое.

Интервьюер записал её слова.

– Вам жаль её? – спросил он.

Женщина опустила глаза.

– Да. И ещё мне жаль, что я слышала всё и ничего не сделала.

Это было первое по-настоящему человеческое, что прозвучало после смерти Лены. Не обвинение, не ужас, не крик. Только запоздалое чувство вины, которое приходит уже после того, как дверь закрылась.

Интервьюер сделал последнюю пометку.

На этом запись завершилась.

Запись 4. Игорь

Интервьюер появился в дверях так же тихо, как и прежде, но на этот раз его уже ждали.

Игорь сидел на кухне, рядом с ним на столе стояла полупустая бутылка воды и чашка, в которой давно остыл чай. Он не выглядел ни удивлённым, ни готовым к разговору – скорее, человеком, который с утра уже устал от самого себя. Когда дверь открылась, он только поднял глаза и коротко кивнул, будто признавая в вошедшем часть какого-то неприятного, но неизбежного дня.

– Вы ко мне, да? – спросил он.

– Да, – ответил интервьюер.

Он вошёл без лишнего шума, остановился у стола и несколько секунд молча смотрел на комнату. Здесь всё было просто и немного небрежно: тарелка с крошками, неубранная салфетка, старый магнит на холодильнике, окно, в которое падал бледный утренний свет. Интервьюер не задержал взгляд ни на чём дольше, чем требовалось. Он был здесь не для того, чтобы разглядывать чужую жизнь, а для того, чтобы услышать, как она сама о себе скажет.

– Я задам вам один вопрос, – произнёс он.

Игорь усмехнулся, но без веселья.

– Серьезно, один?

– Серьезно, один.

– И всё это без последствий?

Интервьюер коротко кивнул.

– Без последствий.

Тогда Игорь откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. Он не стал спрашивать, кто его прислал и почему именно он. Не стал делать вид, что в такой ситуации уместно удивляться. Вместо этого он выдохнул и посмотрел в сторону окна, словно пытаясь понять, сколько ещё можно держаться в обычном состоянии, прежде чем начнётся что-то настоящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.